

Императив

Илья Наумов

1 Данные чукотского языка

Настоящая глава посвящена грамматической категории Императива. В разделе 1 представлены данные амгуэмского говора чукотского языка. В разделе 1.1 обсуждается формальное устройство форм Императива и приводятся аргументы в пользу трактовки этих форм как составляющих единую парадигму. Их семантика и дистрибуция описывается в разделе 1.2 и 1.3. Конструкции, в которых используются формы императива, но которые не являются частью императивной парадигмы, описываются в разделе 1.4. В разделе 2 вводится общий теоретический аппарат, а также ряд понятий, использующихся при анализе языкового материала. Раздел 3 посвящен анализу синтаксиса и семантики клауз с формами Императива в чукотском языке. В разделе 3.1 обсуждаются преимущества и недостатки существующих в теоретико-модельной семантике подходов к императиву применительно к данным чукотского языка. В разделе 3.2 представляются более конкретные предположения о структуре клауз с формами императива. Анализ семантики и синтаксиса императива в чукотском языке в рамках модального подхода представлен в разделах 3.3, 3.4, 3.5. В разделе 4 подводятся итоги и обсуждаются теоретические последствия предложенного анализа.

1.1 Парадигма императива

Система финитного глагола в чукотском языке состоит из двух типов форм: «личных» и «адъективных». Подобное формальное противопоставление основано на ряде морфологических и синтаксических характеристик, по которым различаются эти два типа форм. Личные формы в переходном спряжении полиперсональны, адъективные — моноперсональны. В личных глагольных формах маркированы аспектуальные противопоставления: «перфектив-имперфектив». Противопоставление «перфектив-имперфектив» выражается суффиксально: перфектив может быть представлен фонологическим нулем, либо маркируется суффиксом *-yʔe/yʔa*, имперфектив выражается с помощью суффикса *-rkən* (см. дальнейшее обсуждение в [Волков и др. 2012]). В системе личных форм чукотского языка формам индикатива, которые включают Аорист, Будущее время и Презенс-прогрессив, противопоставлены формы неиндикатива, включающие Кондиционал и формы, представленные в Таблице №1.

Таблица №1.

Лицо	SG	PL
1	<i>m(ə)-</i>	<i>mən-</i>
2	<i>q(ə)-</i>	<i>q(ə)-</i>
3	<i>n(ə)-</i>	<i>n(ə)-</i>

Авторы предыдущих грамматических исследований сходятся во мнении, что в формы из Таблицы №1 объединяются функционально и морфологически и составляют таким образом единую категорию. Не существует, однако, общепринятого наименования для данной категории. В грамматическом описании [Скорик 1961; 1977] выделяется «побудительно-повелительное» наклонение, а в [Nedjalkov 1994] категория «Императива». Несколько иная точка зрения представлена в грамматике [Dunn 1999]. М. Данн выделяет «интенциональное» наклонение, одной из функций которого является выражение побуждения ко второму лицу, а общим объединяющим компонентом форм всех лично-числовых комбинаций является семантика намерения. М. Данн таким образом отклоняет предположение, согласно которому побуждение может быть выражено не только ко второму лицу (см., например, [Володин, Храковский 1986: 16; Бирюлин, Храковский 1992: 7-9]).

Ситуация, при которой в языке имеется полностью синтетическая парадигма императива для всех лиц и чисел является типологически редкой. Принимая во внимание данный факт, некоторые исследователи утверждают, что морфологическая однородность этих форм, — это прямое указание на то, что они не образуют единую парадигму. В частности, А. Е. Кибрик описывает когнатные формы алюторского языка как показатели разных наклонений [Кибрик и др. 2000], а Императивом предлагается считать безличную форму на *ya...-ta¹*. Отметим также, что помимо отсутствия общепризнанного определения понятия морфологической (не)однородности в применении к императиву, не существует и единых критериев, на основании которых те или иные формы признавались бы единой парадигмой или несколькими (см. разные подходы к этой проблеме в [Бирюлин, Храковский 1992; van der Auwera et al. 2013; Гусев 2013]). Таким образом, трактовка тех или иных форм как морфологически (не)однородных, а значит (не)представляющих единую парадигму, будет варьироваться от подхода к подходу. Это обстоятельство вынуждает нас отказаться от понятия морфологической (не)однородности как решающего аргумента в пользу или против признания форм, представленных в Таблице №1, как (не)составляющих единую парадигму.

Еще одним критерием, на основании которого может приниматься решение об объединении некоторых форм в единую парадигму, является функциональная (не)однородность. С первого взгляда, формы, представленные в Таблице №1,

¹ Отметим, что в корпусе текстов, собранных от носителей чукотского языка в селе Амгуэма, эта форма ни разу не встречается, а наши информанты не признают ее грамматичной.

функционально гетерогенны и могут трактоваться как четыре различных категории с непересекающимися функциями: Гортатив — форма, выражающая повелению к адресату выполнить совместное с говорящим действие, Императив — форма, выражающая повеление к адресату, Юссив — форма, выражающая повеление к третьему лицу, и Пропозитив — форма, выражающая повеление к говорящему. Следует сказать, что подобная классификация принимает во внимание только центральные функции императива, проявляющиеся в матричных невопросительных контекстах, а разница в значении отдельных форм, по сути, сводится к разнице в лице и числе. Как будет показано в разделе 1.3, формы из Таблицы №1 регулярно используются в ряде контекстов, где их семантика не подпадает под приведённые выше определения, а сами формы в этих контекстах являются функционально однородными.

В связи с тем, что формальные и функциональные критерии, потенциально указывающие на отсутствие общей парадигмы Императива в чукотском языке, не представляются нам убедительными, в настоящей работе мы будем, вслед за традиционными описаниями, трактовать формы, представленные в Таблице №1, как составляющие единую категорию. Далее мы будем называть эту категорию Императивом.

1.2 Значение форм императива в матричных контекстах

Цель настоящего раздела — описать центральные употребления и значения форм Императива разных лично-числовых комбинаций в матричных контекстах.

1.2.1 Значение и употребление формы императива второго лица.

Императив второго лица употребляется для выражения просьб или приказаний говорящего по отношению к адресату.

Так (1) представляет собой строчку из чукотской колыбельной, в которой мать обращается к своему сыну и просит у него помощи по дому.

- (1) TELYOPKA
tel'opkaqaj anə q-ajmə-γ-e <...>
 T.-DIM ну 2.S/A.IMP-идти.за.водой-IRR-2/3SG.S
tel'opkaqaj anə qə-γəwjek-w-i
 T.-DIM ну 2.S/A.IMP-идти.за.водой-IRR-2/3SG.S
 ‘Телёпка, ну сходи за водой! <...> Телёпка, ну проснись!’

Встречаются и более категоричные употребления со значением команды, или приказа, такие как (2). Высказывания в (1) и (2) имеют так называемое *сильное прочтение (strong reading)*.

(2) TRANSHUMANCE

ʔepte qə-qora-ʔərke <...>
тоже 2.S/A.IMP-олень-собирать

qə-qora-ʔərke-rkən ənqen q-ine-winretə-rkən
2.S/A.IMP-олень-собирать-IPFV DET 2.S/A.IMP-INV-помогать-IPFV
‘Ты тоже оленей расставляй, давай помогай!’

Кроме того, возможны употребления, при которых говорящий выражает свою незаинтересованность в будущих действиях адресата (3). Это так называемые уступительные использования (*acquiescence uses*) (термин предложен в работе [von Fintel & Iatridou 2017]), имеющие меньшую модальную силу, или так называемое *слабое прочтение* (*weak reading*), чем «стандартные» директивные речевые акты.

(3) ELICITATION

ewət ra-ra-ʔtə-ŋ-kə qə-tə-rkən
если DES-дом-GO.TO-DES-LOC 2.S/A.IMP-идти-IPFV
ʔət qərət reqən m-ik-wʔe
я.ABS NEG.FUT что.либо 1SG.S/A.IMP-говорить-TH
‘Если хочешь, иди! Я не буду возражать.’

Такие высказывания, в отличие от директивных речевых актов в (1) и (2), имеют слабую модальную силу, а контекст, в котором они произносятся, обычно предполагает, что индивид, обозначаемый субъектом императива, уже обозначил свое намерение выполнить то или иное действие, и говорящий в курсе его желаний. Употребляя форму Императива, говорящий просто дает понять, что намерение адресата выполнить действие не противоречит его желаниям.

1.2.2 Значение и употребление формы императива первого лица множественного числа

Одной из функций Императива первого лица множественного числа является выражение приглашения к выполнению действия совместно с говорящим. Типичными случаями употребления этой формы являются (4) и (5).

(4) BOOTS

ənjiwŋewe mən-pʔoŋ-ŋətə-mək
тетка.NOM 1PL.S/A.IMP-гриб-искать-1PL.S/O
‘Тётка, пойдём за грибами!’

(5) MUSHROOMS

anə waj ŋawtə-qaj-Ø
давай вот женщина-DIM-NOM.SG
mən-ra-ʔtə-mək
1PL.S/A.IMP-жилище-GO.TO-1PL.S/O
‘Ну же, двоюродная сестричка, пойдём домой.’

Нетривиальной с типологической точки зрения является возможность Императива первого лица множественного числа использоваться для обозначения будущего действия говорящего, выполняемого им совместно с третьим лицом или с группой третьих лиц. Вопреки ожиданиям, высказывание в (6) не выражает побуждения.

(6) WATERCAR

miŋ-kə winwə-t ewən mət-ra-jʔo-ŋə-n=a
 где-LOC след-NOM.PL если 1PL.S/A-FUT-настигать-FUT-3SG.O=PTCL

mət-ra-n-təmŋew-ŋo-ŋə-n
 1PL.S/A-FUT-TR-потеряться-INCH-FUT-3SG.O

mən-kənpə-ŋo-tʔata-ŋo-mək=ʔəm
 1PL.S/A.IMP-?-ITER-PLAC-INCH-1PL.S/O=EMPH
 ‘Где следы начнём терять, там привяжемся (букв. начнём петлять)’

Доступность подобных употреблений данной лично-числовой комбинации Императива без условно нуждается в объяснении. В разделе 3 будет разработан анализ, который учитывает и, более того, предсказывает возможность таких употреблений.

1.2.3 Значение и употребление формы императива третьего лица

Формы Императива третьего лица используется для выражения побуждения по отношению к нелокуторам и употребляются при отсутствии потенциального исполнителя действия. Зачастую на адресата императивного высказывания возлагается обязательство по передаче воли говорящего третьему лицу. Высказывание в (7) иллюстрирует этот компонент.

(7) CHATTERBOX AND A WANTON GIRL

ənkʔam wetɣaw-ŋaw wiin ən-kə
 и говорить-FEM пока тут-LOC

ororə qeeqən n-re-simɣu-n-ŋeŋ-yʔe-n
 лучше ещё.немного 3.S/A.IMP-DES-обдумывать-DES-GET-TH-IRR.2/3SG.S
 ‘А языкастая пусть пока лучше там ещё немного подумает.’

Возможны также употребления, когда говорящий выражает отсутствие заинтересованности в действии третьего лица, а на адресата не возлагается обязанности по передаче воли говорящего. В таких случаях с глаголом в форме Императива часто употребляется частица *masənan* ‘пусть, пускай’ (8).

- (8) ELICITATION
masənan ŋutku nə-wakʔo-twa-rkən ewət Ø-teyjeŋə-rkən
 пусть здесь 3.S/A.IMP-сидеть-быть-IPFV если 2/3.S/A-хотеть-IPFV
əŋje a-səŋew-ka murə-k reen təle-k
 ПРОН NEG-звать-NEG мы-LOC вместе идти-INF
 ‘Пускай тут сидит, если хочет. Не зови его с нами ходить!’

1.2.4 Значение и употребление формы императива первого лица единственного числа

В связи с тем, императив первого лица единственного числа является одной из наиболее редких лично-числовых комбинаций Императива [Гусев 2013: 53-56], семантика этой формы в отдельных языках изучена недостаточно. Кроме того, часто бывает так, что даже если в языке имеется Императив первого лица единственного числа, его дистрибуция оказывается сильно ограничена. В частности, в некоторых языках он может употребляться преимущественно в вопросительных контекстах и невозможен в невопросительных (см. [Андреев 1992: 67; Кузьминков 2001; Мальчуков 2001; Aikhenvald 2010: 73-74; Oikonomou 2016; Stegovec 2018]). Данные чукотского языка в этой связи особенно ценны, поскольку в чукотском языке Императив первого лица единственного числа продуктивно употребляется и в невопросительных контекстах (употребления в вопросительных контекстах описываются в разделе 2.3.1).

Так он используется в случаях, когда говорящий объявляет о будущем своем будущем действии. Типичный пример такого высказывания представлен в (9).

- (9) RAVEN AND FOX
jelʔo-j ɣət neməqeɟ mə-rəle-ɣʔa-k
 двоюродный.брат-VOС я тоже 1SG.S/A.IMP-прокатиться-TH-1SG.S
 ‘Двоюродный братец, я тоже прокачусь!’

В. П. Недялков [Nedjalkov 1994: 324] утверждает, что эта форма является основным средством выражения будущего действия говорящего, и предлагает закрепить за ней семантику «намерения», не уточняя при этом, что понимается под данным термином. Исследователь указывает, что употребление Императива первого лица единственного числа подразумевает, что обозначаемое глаголом действие будет выполнено немедленно. Вне контекста темпоральных наречий это действительно так (10). высказывание с формой Императива первого лица единственного числа порождает импликацию о том, что действие будет совершено немедленно (10).

- (10) ELICITATION
m-ajmə-ɣʔa-k
 1SG.S/A.IMP-идти.за.водой-TH-1SG.S
 ‘Пойду за водой (немедленно)!’

Компонент имediatности, однако, является опциональным и может быть отменен путем эксплицитного указания на то, что действие будет выполнено в отложенный период времени:

- (11) ELICITATION
wuŋqə-twi m-ajmə-γʔa-k
 темнота-TRSF 1SG.S/A.IMP-идти.за.водой-TH-1SG.S
 ‘Пойду вечером за водой!’

В функции обозначения будущего действия говорящего данная форма конкурирует с соответствующей формой Будущего времени. При использовании формы будущего времени имediataная импликатура не порождается (12).

- (12) ELICITATION
tə-r-ajmə-γʔa
 1SG.S/A-FUT-идти.за.водой-TH
 ‘Я пойду за водой.’

Обнаруживаются и другие различия между формой Будущего времени и формой Императива. В частности, первая, но не вторая, может употребляться в контекстах запланированного будущего (13).

- (13) ELICITATION
eŋʔə-qanjaw-etə awtobus-a ʔʔm-ekwet-γʔe /
 белый-каньон-DAT автобус-INS 1SG.S/A.IMP-покидать-TH
^{OK}*t-r-ekwet-γʔe* *biŋetə enmes tə-piri-net*
 1SG.S/A-FUT-покидать-TH билеты уже 1SG.S/A-купить-3SG.O-PL
 ‘Поеду в Эгвекиног на автобусе. Билеты уже купила.’

Напротив, форма Императива первого лица единственного числа используется в ответах на повелительные высказывания с формой Императива второго лица (14). Соответствующая форма Будущего времени в таких контекстах признается носителями неестественной.

- (14) ELICITATION
 A: *qə-qametwa-γ-e*
 2.S/A.IMP-есть-IRR-2/3SG
 ‘Поешь!’
 B: *ii* ^{OK}*mə-qametwa-γʔa-k /* ^{ʔʔ}*t-ra-qametwa-γʔa*
 да 1SG.S/A.IMP-есть-TH-1SG.S 1SG.S/A-FUT-есть-TH
 ‘Хорошо, поем!’

Подобные употребления не позволяют нам приписать форме Императива первого лица единственного числа в чукотском языке семантику «автопрескрипции» или «самопобуждения», которая ранее предлагалась для этой лично-числовой комбинации императива [Храковский, Володин 1986: 139; Бирюлин, Храковский 1992: 28]. В контекстах типа (14) говорящий не является

носителем модального отношения и источником акта речевой каузации. Напротив, употребляя форму императива первого лица единственного числа, говорящий принимает волю другого лица и соглашается на выполнение действие, к которому побуждает его собеседник. Кроме того, после произнесения высказывания, содержащего данную форму, говорящий может эксплицитно указать, что не желает реализации действия, обозначаемого глаголом (15).

(15) ELICITATION

mə-waŋe-ʎa-k *ətʁʔes* *tə-ʎenqe-rkən*
1SG.IMP-шить-ТН-1SG.S однако 1SG.S/A-не.хотеть IPFV
'Буду шить, хоть и не хочу.'

Представляется, что допустимость такого дистанцирования невозможно объяснить в рамках анализа императива первого лица единственного числа как выражающего «самопобуждение». Побуждение к выполнению действия возможно только при наличии желания, чтобы это действие реализовалось.

Исходя из предположения о том, что каузация самого себя прагматически неестественна, другие исследователи постулируют для подобных форм в языках мира значение «опосредованной каузации». Согласно такой трактовке, произнося форму императива первого лица единственного числа говорящий каузирует не себя, а адресата, выполнил действие, являющееся необходимым условием для выполнения действия, обозначаемого глаголом в форме первого лица единственного числа. Речевой акт каузации адресата, однако, эксплицитно не выражен (см. [Гусев 2013: 52-53]). Некоторые употребления формы императива первого лица единственного лица в чукотском языке могут быть проинтерпретированы в пользу такой трактовки. Например высказывание в (16) дословно значит 'Мама, давай буду грудь сосать!'. Очевидно, чтобы ребенок смог сосать грудь матери, мать должна ему ее дать.

(16) BEING A CHILD

tetej *anə* *mə-mtete-ʎa-k*
мамочка давай 1SG.S/A.IMP-сосать.грудь-ТН-1SG.S
'Мамочка, дай грудь пососать!'

Однако форма императива первого лица единственного числа может быть употреблена в отсутствии каких бы то ни было слушателей или адресатов. Данную возможность демонстрирует пример в (17). Сюжет нарратива описывает ситуацию, в которой говорящий просыпается рано утром в оленеводческой бригаде, смотрит на улицу и видит, что все люди уже работают. После этого он говорит себе:

(19) Elicitation

ery-atə-k *ətʔ-o* ^{OK}*qə-miysiret-γ-e /*
свет-VB-LOC день-EQU 2.S/A.IMP-работать-IRR-2/3SG.S

ʔqə-miysiretə-rkən *wutqə-twi* *qə-panʔewηəto-γ-e*
2.S/A.IMP-работать-IPFV темнота-TRSF 2.S/A.IMP-отдыхать-IRR-2/3SG.S
‘Завтра днем поработай, а вечером отдохни!’

В. П. Недялков [Nedjalkov 1994: 322] отмечает, что имперфективные формы, в отличие от перфективных, могут иметь хабитуальную интерпретацию и, как следствие, сочетаются с наречием *qonpə* ‘всегда’. Согласно нашим данным, эта возможность ограничена. Для большинства носителей амгуэмского говора чукотского языка форма первого лица Императива не может выражать хабитуальное значение и, соответственно, не может сочетаться с наречием *qonpə* ‘всегда’.

(20) Elicitation

ʔqonpə m-ajmə-rkən *apaqajə-na*
всегда 1SG.S/A.IMP-ходить.за.водой-IPFV бабушка-AN.DAT
Ожид.: ‘Всегда буду бабушке за водой ходить!’

Имперфективная форма второго лица не демонстрирует подобного ограничения:

(21) Elicitation

ηəto-ηηo-k *jara-jpə qonpə qə-tʔə-rkən* *miməl*
выходить-INCH-LOC дом-AVL всегда 2.S/A.IMP-выливать-IPFV вода
‘Выходя из яранги, всегда выливай воду!’

В разделе 3 мы подробнее остановимся на причинах этого контраста.

Формы Императива могут иметь деривационные аспектуальные показатели. Так в (22) перфективная форма Императива имеет инхоативный суффикс *-mγo*, а из всего высказывания следует, что адресат еще не приступал к выполнению действия. (см. подробнее про семантику и функции Инхоатива в главе «Аспектуальные деривации»).

(22) Elicitation

jara-səko a-twa-tʔat-ka *qə-miysire-mγo-γ-e / *qə-miysire-mγo-rkən*
дом-IN CAR-быть-PLAC-CAR-INS 2.S/A.IMP-работать-INCH-IRR-2/3SG.S
‘Не сиди в яранге! Начинай работать!’

В работе [Nedjalkov 1994: 323] отмечается, что имперфективный Императив используется для более вежливых и некатегоричных побуждений. Подобное утверждение, по-видимому, не будет справедливым для амгуэмского чукотского. Ранее мы уже приводили пример, в котором используется имперфективная форма Императива, но высказывание при этом выражает категоричное побуждение (см.

(2). Еще одним примером категоричного использования имперфективной формы Императива является реплика в (23)².

- (23) TELYOPKA
ənɲin qə-wakʔo-twa-ccən a-qametwa-k-a
так 2.S/A.IMP-садиться-RES-IPFV CAR-быть-PLAC-CAR-INS
‘Вот так и сиди, не евши!’

1.3 «Нестандартные» употребления Императива

В данном разделе описывается использование Императива вне матричных невопросительных контекстов. В разделе 1.3.1 обсуждаются свойства вопросительных высказываний с формами Императива. В разделе 1.3.2 кратко описывается взаимодействие Императива с отрицательными частицами. Раздел 1.3.3 посвящен использованию форм Императива во вложенных контекстах. Представляется, что возможность таких употреблений, является решающим аргументом в пользу трактовки форм из Таблицы №1 как представляющих единую категорию.

1.3.1 Вопросительные контексты

Помимо ожидаемых употреблений в невопросительных контекстах, формы императива могут использоваться в вопросах о долженствовании или разрешении выполнить действие. Здесь мы называем такие вопросы *вопросами о долженствовании и возможности*. Хотя подобные вопросы не имеют отдельных морфологических или синтаксических маркеров, они отличаются от невопросительных высказываний специальным интонационным выделением.

Форма первого лица единственного числа используется для узнавания мнения адресата относительно необходимости выполнить действие говорящим. Вопрос в (24) выполняет такую функцию.

- (24) ELICITATION
m-uswitku-yʔe-k
1SG.S/A.IMP-рубить.дрова-TN-1SG.S
‘Мне нарубить дрова?’.

Форма первого лица единственного числа может так же употребляться, когда говорящий спрашивает разрешение у адресата выполнить некоторое действие (25). Различие между вопросом в (24) и (25) состоит в модальной силе высказывания — модальная сила в (25) слабее. Ответственной за это изменение является частица *iwke*. (см. раздел 1.4 о функциях этой частицы в невопросительных высказываниях с формами Императива).

² Имперфективный суффиксальный показатель здесь используется в женском варианте.

- (25) ELICITATION
iwke mə-qepl-uwiswetə-k
 PTCL 1SG.S/A.IMP-мячик-играть-1SG.S
 ‘Можно мне поиграть в мячик?’

Формы других лично-числовых комбинаций Императива также могут употребляться в вопросах о долженствовании и разрешении. В частности, форма третьего лица используется с точно такой же функцией, что и форма первого лица единственного числа, за исключением того, что говорящий интересуется мнением адресата не относительно своего собственного действия, а относительно действия другого лица (26).

- (26) ELICITATION
n-ekwet-γʔe-n
 3.S/A.IMP-уходить-ТН-3SG.S
 ‘Ему уйти?’

Форма третьего лица также употребляется в случаях, когда говорящий спрашивает у адресата разрешение о выполнении действия третьим лицом (27). В таких вопросах также используется частица *iwke*.

- (27) ELICITATION
iwke nə-saj-o-γʔa-n
 PTCL 3.S/A.IMP-чай-ЕАТ-ТН-2/3SG.S
 ‘Можно он попьет чай?’.

Идентичная функция в вопросах и у формы первого лица множественного: она используется, когда говорящий интересуется о мнении адресата относительно необходимости выполнить действие. Действие может выполняться как говорящим и адресатом совместно (28), так и говорящим вместе третьим лицом (или группой лиц), не включая адресата (29).

- (28) CHATTERBOX AND A WANTON GIRL
et=ʔəm mən-əγətə-nat
 наврное=EMPH 1PL.S/A.IMP-сходить.за-3SG.O-PL
mən-riwłə-ne-t
 1PL.S/A.IMP-перетаскивать-3SG.O-PL
 ‘Может сходим за ним и заберем их?’

- (29) ELICITATION
mən-winret-γət
 1PL.S/A.IMP-помогать-2SG.O
 ‘Нам тебе помочь?’

Как и формы других лично-числовых комбинаций, форма Императива первого лица множественного числа, употребляется для спрашивания у адресата высказывания разрешения выполнить действие. Такие вопросы также сопровождаются частицей *iwke* (30). Важно отметить, что форма первого лица

множественного числа в них обязательно получает эксклюзивную интерпретацию — действие выполняется группой лиц, не включающей адресата.

- (30) ELICITATION
iwke mən-winret-γət
PTCL 1PL.S/A.IMP-помогать-2SG.O
'Можно нам тебе помочь?'

Форма Императива второго лица используется, когда говорящий интересуется о будущих планах или обязательствах собеседника (31).

- (31) ELICITATION
qə-miysiret-γ-i
2.S/A.IMP-работать-IRR-2/3SG.S
'Будешь работать?'

Подведем промежуточный итог. Во-первых, формы всех лиц Императива могут употребляться в вопросах о долженствовании или разрешении выполнить действие. Во-вторых, вопросы с частицей *iwke* имеют меньшую модальную силу, чем вопросы без этой частицы.

1.3.2 Императив под отрицанием

Формы Императива могут употребляться в отрицательных непобудительных высказываниях. В этих контекстах наиболее ярко проявляется их функциональная однородность — семантика разных лично-числовых комбинаций Императива различается не больше, чем семантика разных лично-числовых комбинаций индикативных форм, использующихся в аффирмативных высказываниях.

Одним из способов построения отрицательной клаузы в чукотском языке является использование отрицательной частицы: *wane(wan)*, *etlə* или *qəγəm* и глагола в форме Императива [см., например, Пупынина 2013]. Выбор той или иной частицы зависит от того, какую временную референцию имеет клауза. Частицы *wane(wan)* и *etlə* употребляются в клаузах с референцией к будущему, в то время как *qəγəm* — с референцией к будущему. Все три возможных конфигурации представлены в примерах (32), (33) и (34).

- (32) RAVEN AND FOX
qəγəm=γəm mə-γto-γət *Ø-re-pəlqatə-ηηo-γ?a*
NEG.FUT=EMPH 1SG.S/A.IMP-вынимать-2SG.O 2/3.S/A-FUT-тонуть-INCH-TH
'Я тебя не вытащу, если будешь тонуть.'

- (33) ELICITATION
i?am etlə γətə-kə qə-lqət-γ-e
почему NEG.NFUT я-DAT 2.S/A.IMP-идти-IRR-2/3SG.S
'Почему ко мне не заходишь?'

- (34) EAGLE
tilme ʔelʔel wane nə-n-wetyaw-an-nen
 орел-INS кал.НOM NEG.NFUT 3.S/A.IMP-TR-говорить-CS-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Орел с говном не разговаривает.’

Здесь мы не будем подробно останавливаться на том, почему формы Императива могут использоваться под отрицанием. Ключевым для настоящей работы является тот факт, что возможность подобных употреблений говорит о трактовке рассматриваемых нами форм как показателей разных независимых наклонений с разными непересекающимися функциями — семантическое различие между формами сводится к различию в лице и числе.

1.3.3 Вложенные употребления

Помимо продуктивного функционирования в матричных клаузах, в чукотском языке формы Императива используются в ряде вложенных контекстов. В данном разделе мы опишем эти контексты и укажем на важное синтаксическое ограничение, возникающее в одном из них. Это синтаксическое ограничение в дальнейшем послужит отправной точкой при разработке анализа синтаксиса и семантики Императива в чукотском языке.

Первый тип зависимых контекстов, в которых используются формы императива, это конструкции передачи косвенной речи. В таких конструкциях формы Императива употребляются после глаголов речепроизводства и служат для воспроизведения оригинальных высказываний также с формами Императива.

- (35) ELICITATION
 A: *qə-n-siit-ewə-n* *miml*
 2.S/A.IMP-греть-CS-3SG.O вода.NOM
 ‘Подогрей воду!’
 B: *ənan ɣəm Ø-in-ik-wʔ-i*
 он.INS я.NOM 2/3.S/A-INV-говорить-TH-2/3SG.S
ijqun mə-n-siit-ewə-n *miml*
 COMP 1SG.S/A.IMP-TR-греть-CS-3SG.O вода.NOM
 ‘Он сказал мне, чтобы я погрел воду.’
- (36) ELICITATION
 A: *mə-n-siit-ewə-n* *miml*
 1SG.S/A.IMP-TR-греть-CS-3SG.O вода.NOM
 ‘Подогрею воду!’

В: *atlon* \emptyset -*ik-wʔ-i* *ijqun*
 он.NOM 2/3.S/A-говорить-TH-2/3SG COMP
nə-n-siit-ewə-ni-n *miml*
 3.S/A.IMP-TR-греть-CS-3SG.A.3.O-3SG вода.NOM
 ‘Он сказал, что погрет воду.’

Как видно из примеров, Императив в таких конструкциях может передавать как высказывания, обращенные к адресату (35), так и не обращенные ни к какому лицу (36).

Формы Императива могут употребляться в зависимых клаузах целевых конструкций (например, в так называемых *клаузах обоснования* (*rationale clauses*). Пример такого употребления формы третьего лица представлен в (37).

(37) ELICITATION
nənənə *nota-ytə* \emptyset -*qət-yʔ-i*
 ребенок.NOM земля-DAT 2/3.S/A-отправляться-TH-2/3SG.S
ijqun *n-atʔa-re-rkən*
 COMP 3.S/A.IMP-мать-искать-IPFV
 ‘Ребенок пошел в тундру, чтобы искать мать.’

Формы Императива могут употребляться в зависимых клаузах при глаголах желания. В (38) глагол в форме Императива второго лица употребляется во вложенной клаузе при дезидеративном предикате *teʃjeŋək* ‘желать’.

(38) ELICITATION
atʔəyən \emptyset -*teʃjeŋə-rkən* *ijqun* *qə-tejkə-yən* *orwoor*
 отец-NOM 2/3.S/A-хотеть-IPFV COMP 2.S/A.IMP-чинить-IRR-3SG.O нарты.NOM
 ‘Отец хочет, чтобы ты починил нарты.’

Отличительной чертой таких употреблений является тот факт, что формы Императива во вложенной клаузе возможны только при условии, что субъект матричной клаузы не кореферентен субъекту вложенной клаузы. В случае их кореферентности используется инфинитив (39) или глагол, оформленный циркумфиксом Дезидератива (40).

(39) ELICITATION
iʔər *tə-teʃjeŋə-rkən* *nuteysi-k*
 сегодня 1SG.S/A-хотеть-IPFV идти.в.тундру.за.корешками-INF
 ‘Сегодня хочу пойти в тундру за корешками.’

(40) ELICITATION
 \emptyset -*ra-qametwa-ŋə-rkən*
 2/3.S/A-DES-есть-DES-IPFV
 ‘Ты/он хочет есть.’

При кореферентности субъектов форма Императива неприемлема:

(41) ELICITATION

**tə-teyjeŋə-rkən ijqun mə-qametwa-γʔa-k*
 1SG.S/A-хотеть-IPFV COMP 1SG.S/A.IMP-есть-TH-1SG.S
 Ожид. ‘Я хочу поесть.’

Как было показано выше (см. (36) и (37)), ограничение на кореферентность не наблюдается в конструкциях передачи косвенной речи и целевых конструкциях. Представляется, что подобный контраст нуждается в нетривиальном объяснении. В разделе 3 мы предложим синтаксический механизм, регулирующий ограничение на кореферентность в разных типах вложенных клауз.

Несмотря на поверхностные различия в значении, все описанные выше типы вложенных клауз, в которых могут употребляться формы Императива, имеют одно общее семантическое свойство: они описывают ситуации, истинностный статус которых *не* установлен в актуальном мире в момент произнесения высказывания. Именно это свойство позволяет Императиву выступать в данных контекстах.

Действительно, в клаузах, которые описывают ситуации, истинностный статус которых установлен в актуальном мире в момент произнесения высказывания, формы Императива употребляться *не* могут. Например, глаголы в форме Императива не допустимы в зависимых клаузах при фактивном безличном матричном предикате *təyi* ‘знать’ (42), а также в зависимых причины (43).

(42) ELICITATION

*ənan təyi ijqun eγ-atə-k *mə-lqət-γʔe-k /*
 он.INS знать COMP свет-VB-LOC 1SG.S/A.IMP-идти-TH-1SG.S
 ОК *t-re-lqət-γʔe nəmnam-etə*
 1SG.S/A-FUT-идти-TH поселок-DAT
 ‘Он знает, что я поеду в деревню завтра.’

(43) ELICITATION

eγ-atə-k qəram mə-miysiretə-k qeluk
 свет-VB-LOC NEG.FUT 1SG.S/A.IMP-работать-1SG.S COMP
 **m-ekwet-γʔe-k /* ОК *t-r-ekwet-γʔe eγə-qanjaw-etə*
 1SG.S/A.IMP-покидать-1SG.S 1SG.S/A-FUT-покидать-TH белый-каньон-DAT
 ‘Завтра с вами не смогу работать, потому что еду в Эгвекинот.’

Последний зависимый контекст, в котором могут использоваться формы императива, — это антецеденты условных конструкций (44).

(44) ELICITATION

qunese rʔenut q-in-ik-w-i
 еще что.NOM.SG 2.S/A.IMP-INV-говорить-IRR-2/3SG
γət t-re-kwet-γʔe
 я.NOM.SG 1SG.S/A-FUT-покидать-TH
 ‘Скажи еще что-нибудь, и я уйду.’

Возможность употреблений форм императива в таких контекстах хорошо описана для ряда других языков, а свойства императива в них являются предметом интенсивной дискуссии, ведущийся в настоящий момент в исследованиях по императиву (см. обсуждение в [von Fintel & Iatridou 2017]). Мы надеемся, что данные чукотского окажутся полезны для этой дискуссии.

1.4 Конструкции с формами Императива

В данном разделе описывается семантика и дистрибуция двух конструкций, в которых употребляются формы Императива, но которые при этом не являются частью Императивной парадигмы. Это конструкция с частицей *iwke* (раздел 1.4.1), а также прохибитивная конструкция (раздел 1.4.2).

1.4.1 Императив с частицей *iwke*

В данном разделе будет описано значение форм Императива, употребляющихся с частицей *iwke*, в невопросительных контекстах (про их значение в вопросительных контекстах см. раздел 1.3.1).

Семантика форм Императива с частицей *iwke* регулярным и последовательным образом отличается от семантики форм Императива, употребляющихся без этой частицы. Пример использования Императива третьего лица с данной частицей представлен в (45).

(45) ELICITATION

iwke *eqətpɛ* *nə-jet-ʏʔe-n*
PTCL быстро 3.S/A.IMP-приходить-TH-3SG.O
'Пришел бы он поскорее!'

Подобные употребления отличаются от высказываний с Императивом третьего лица без частицы *iwke* по двум значимым параметрам. Во-первых, в отличие от высказываний с формой Императива третьего лица, не содержащих частицу *iwke*, реплика в (44) не накладывает на адресата обязательств по передаче воли говорящего третьему лицу. Автор реплики считает, что способность повлиять на реализацию действия, обозначаемого глаголом, находится вне зоны его возможностей.

Форма второго лица Императива употребляется с данной частицей, когда говорящий находится в положении, или хочет подчеркнуть, что находится в положении, которое не позволяет ему приказывать адресату выполнить действие. Императив второго лица с частицей *iwke* в таком случае выражает некатегоричное, вежливое побуждение. Так в (45) приведена реплика из чукотской сказки про ворона и лиса, в которой последний падает в воду и просит ворона ему помочь. При этом высказывание все равно имеет сильную модальную силу.

(46) RAVEN AND FOX

jetʔo-j iwke=ʔm q-ena-yto-y-e
двоюродный.брат-VOC PTCL=EMPH 2.S/A.IMP-INV-вынимать-IRR-2/3SG.S

tey-n-ilyə-qin ɲetwət-∅ t-re-jəʔ
GOOD-ST-белый-ST.3SG стадо-NOM.SG 1SG.S/A-FUT-давать
'Братец, вытащи меня, пожалуйста, я абсолютно белое стадо тебе отдам.'

Императив первого лица множественного числа с частицей *iwke* также выражает некатегоричное побуждение (51).

(47) NOT EATING LARVAS

iwke mənə-rəsw-o-mək
PTCL 1PL.S/A.IMP-личинка-EAT-1PL.S/O
'Давай поедим личинок!'

Условия, при которых с частицей *iwke* употребляется форма Императива первого лица единственного числа, напоминают условия, описанные выше для формы третьего лица: говорящий, не имеет возможности повлиять на реализацию действия. Высказывание в (48) удачно это иллюстрирует.

(48) IN THE EVENING

ej jəqqej iwke wulqə-twi wajəŋk mə-loo-yʔa
INTJ разве PTCL темнота-TRSF вон.там 1SG.S/A.IMP-сосать-TH
'Эх, вот бы вечером пососать грудь!'

Главный вывод, который можно сделать из выше приведенного обсуждения, состоит в том, что семантические последствия употребления частицы *iwke* в вопросе *iwke* в вопросительных и невопросительных клаузах различаются. В отличие от вопросительных высказываний, невопросительные высказывания с формами Императива и частицей *iwke* имеют сильное прочтение. Функция частицы *iwke* в этом типе контекстов не сводится к понижению модальной силы.

1.4.2 Прохибитив

В данном разделе описывается конструкция Прохибитива. Прохибитив в амгуэмском говоре чукотского языка выражается с помощью отрицательной частицы *əŋje*, смыслового глагола в безличной форме на *e-...-ke*, а также факультативного вспомогательного глагола, имеющего морфологию Императива. Пример употребления этой конструкции приведен в (49).

(49) ELICITATION

əŋje a-nto-k-a nəkite jara-jpə q-it-y-i
ПРОН CAR-выходить-CAR-INS ночь-INS дом-ABL 2.S/A.IMP-быть-IRR-2/3SG.S
'Не выходи из яранги ночью!'

Высказывание в (49) имеет сильное прочтение — говорящий запрещает адресату выполнять действие, обозначаемое смысловым глаголом.

данная (расширенная) область теоретико-модельной семантики пока не получила широкую популярность в отечественной лингвистической традиции, ее теоретические понятия не имеют устоявшихся русских эквивалентов. Это обстоятельство ставит перед нами необходимость сформулировать основные концепции этого подхода, а также определить термины (с указанием оригинальных источников), которые будут использоваться далее в работе.

2.1 Модальные глаголы как кванторы по возможным мирам

Центральным понятием, используемым при описании значений из зоны модальности в естественном языке в рамках выше названного подхода, является понятие *возможного мира* (*possible world*), введенного и обоснованного в новаторских работах по философской логике [Hintikka 1961] и [Kripke 1963]. Исследования по семантике естественного языка обычно остаются в стороне от вопроса о психологической реальности возможных миров. Данное понятие используется как удобный технический инструмент для моделирования не просто абсолютных условий истинности высказываний, а условий истинности относительного того или иного мира. Значение лингвистического выражения, определяемое относительно возможного мира, называется его *интенционалом* (*intension*). Интенционалом самой крупной синтаксической составляющей — клаузы — называется *пропозиция* (*proposition*). Семантическим наполнением пропозиции является множество возможных миров — множество возможных миров, в которых истинна эта пропозиция.

Множество возможных миров, как и любое другое множество, доступно для ряда операций над собой. Одна из таких операций — квантификация. Лингвистические выражения, осуществляющие квантификацию по множеству возможных миров, называются *модальными операторами* (*modal operator*, или просто *modals*). Классический пример модального оператора в естественном языке — английские вспомогательные глаголы типа *must* и *might*. Наиболее заметное различие между этими глаголами состоит в так называемой *силе квантификации* (*force of quantification*). В то время как *must* универсально квантифицирует по некоторым выбранному множеству возможных миров, *might* устанавливает экзистенциальную квантификацию. Про выражение вида *must(p)* утверждается, что оно истинно, тогда и только тогда, когда *p* истинно во всех мирах из выбранного множества. Наоборот, про выражение вида *might(p)* утверждается, что оно истинно, тогда и только тогда, когда *p* истинно по крайней мере в одном мире из выбранного множества. Модальные операторы типа английского *must* называются *модальными операторами необходимости* (*necessity modals*), в то время как модальные операторы типа английского *might* называются *модальными операторами возможности* (*possibility modals*). Второе заметное различие касается возможных типов миров, доступных для квантификации каждому из этих модальных операторов. Точно так же, как и другие кванторы, модальные операторы не квантифицируют по всем возможным

мирам. Параметр, ограничивающий область квантификации модальных операторов, называется *отношением доступности (accessibility relation)*. Возвращаясь к глаголам *must* и *might*, можно заметить, что *must* может выражать необходимость относительно знаний (53a), которыми обладает говорящий, а также относительно законов или правил (53b), релевантных в контексте высказывания. Первое прочтение называется *эпистемическим (epistemic reading)*, а второе — *деонтическим (deontic reading)*. Напротив, *might* может выражать возможность только относительно знаний говорящего (54).

(53) a. *It must be raining outside.*

b. *The charter of our company says that every employee must come to the office at 9am.*

(54) *He might come to the meeting tonight.*

^{OK1}) \approx относительно того, что мне известно, возможно, что он придет на встречу сегодня вечером.

#2) \approx относительно того, что требуют правила, возможно, что он придет на встречу сегодня вечером.

В такой системе семантика для «деонтического» и «эпистемического» *must* может быть представлена как в (55a) и (55b), соответственно.

(55) a. $\llbracket must^{deon} \rrbracket^w = \lambda p_{(s,t)}. (\forall w' \in W: wR^{deon}w') [p(w')]$

b. $\llbracket must^{epis} \rrbracket^w = \lambda p_{(s,t)}. (\forall w' \in W: wR^{epis}w') [p(w')]$

Где W обозначает множество миров, над которым квантифицирует модальный оператор, а R — отношение доступности на мирах, такое что w доступен из w' .

Отношение доступности определяет *модальный характер (modal flavor)* — интерпретацию, которую получает модальный оператор в каждом конкретном предложении. Разные модальные операторы могут выражать разные модальные характеры. Выделяют, по крайней мере, следующие: *эпистемический (epistemic)* (соотнесенный со знаниями), *деонтический (deontic)* (соотнесенный с правилами или законами окружающей действительности), *булетический (buletic)* (соотнесенный с желаниями), *телеологический (teleological)* (соотнесенный с целями). Модальные операторы, имеющие эпистемический характер, иногда выделяют в отдельную группу. Если такое различие проводится, то все остальные модальные операторы обозначатся общим термином *корневые модальные операторы (root modals)*. При анализе Императива в чукотском языке нас будут интересовать случаи, когда модальный оператор имеет булетический и телеологический модальный характер.

2.2 Теория модальности А. Кратцер

Для анализа модальных выражений естественного языка в рамках семантики возможных миров чаще всего используется система, иногда называемая «стандартная теория модальности», которая была разработана в ряде работ А. Кратцер [Kratzer 1977; 1981; 1991]. Ниже будут кратко описаны основные теоретические положения этой теории.

А. Кратцер обосновывает два основных изменения вышеописанного подхода. Во-первых, вместо закрепления за разными модальными операторами разных отношений доступности, она предлагает возложить ответственность за установление модальных характеристик на контекст, в котором произносится выражение с модальным оператором. Во-вторых, вместо использования одного параметра, ограничивающего область квантификации модальных операторов, она применяет два таких параметра: *модальную базу (modal base)* и *источник упорядочивания (ordering source)*³. Первое нововведение обладает очевидными теоретическими преимуществами. В частности, помогает избежать постулирования массивной полисемии модальных выражений (см. формальное представление в (55), в котором для каждой доступной глаголу *must* интерпретации вводится новое лексическое вхождение этого глагола). В рамках этой модели разные модальные характеры, которые имеют высказывания с модальными операторами, получаются в следствие того, что модальные операторы могут иметь разные источники упорядочивания, сохраняя при этом силу квантификации. Второе нововведение решает ряд эмпирических задач, обсуждение которых, однако, выходит далеко за рамки настоящего вводного раздела (см. обсуждение в [Kratzer 1981; 1991], а также [Portner 2009: 58-63]).

Заслуживающими отдельного внимания являются понятия модальной базы и источника упорядочивания, обозначаемые общим термином *фоны разговора (conversational backgrounds)*. С технической точки зрения, модальная база и источник упорядочивания являются функциями из множества миров во множество пропозиций (множества множеств миров, которые затем пересекаются). Модальная база приписывает каждому миру w множество миров w' , в которых истины некоторые релевантные в данном контексте факты. Источник упорядочивания упорядочивает миры, выбранные модальной базой, относительно некоторых релевантных в данном контексте правил, норм, желаний, целей и т.д., сравнивая эти миры с идеалом. Модальная база обозначается символом f , а источник упорядочивания — символом g .

В рамках данного подхода про выражение вида *must(p)* утверждается, что оно истинно относительно модальной базы f и источника упорядочивания g тогда и

³ Следует отметить, что, хотя сама А. Кратцер трактует модальную базу и источник упорядочивания только как параметры интерпретации языковых выражений, в настоящее время распространенной является практика, при которой модальная база и источник упорядочивания получают отдельное представление в синтаксисе в виде фонологически невыраженных местоимений (см., например, [Heim & von Stechow 2011]).

только тогда, когда p истинно во всех мирах, выбранных модальной базой f и ранжированными как лучшие источником упорядочивания g . Напротив, про выражение вида $might(p)$ утверждается, что оно истинно относительно модальной базы f и источника упорядочивания g тогда и только тогда, когда p истинно по крайней мере в одном мире, выбранном модальной базой f и ранжированным как лучший источником упорядочивания g .

Последнее важное для дальнейшего обсуждения свойство модальных операторов состоит в том, что они могут использоваться в перформативных речевых актах. Так модальные операторы необходимости могут использоваться для речевых актов приказа или команды (56). А модальные операторы возможности — для речевых актов разрешения (57).

(56) *Ты должен сходить сегодня в больницу!*

(57) *Можешь сесть рядом со мной!*

В (56), говорящий пытается ограничить будущие действия адресата, а в (57), наоборот, предложить новую альтернативу. Это различие возникает из-за того, что в первом случае модальный оператор универсально квантифицирует по множеству миров, представляющих возможные будущие действия адресата, а во втором — экзистенциально.

3 Анализ чукотских данных

Главная задача данного раздела — предложить формальный анализ синтаксиса и семантики Императива в чукотском языке, который бы учитывал и объяснял его широкую дистрибуцию и многочисленные функциональные возможности, описанные в разделе 1. Перед тем как приступить к решению данной задачи, мы обсудим две наиболее популярные в современной теоретико-модальной семантике группы подходов к значению императива, а также обсудим их преимущества и недостатки применительно к данным чукотского языка.

3.1 Две группы подходов к семантике императива

Существующие подходы к семантике императива условно делятся на две группы. Первая группа подходов здесь будет называться, в след за К. фон Финтелем и С. Иатриду [von Fintel & Iatridou 2017], *минимальные подходы* (*minimal approaches*). Наиболее последовательным сторонником минимального подхода является П. Портнер, разработавший в серии работ [Portner 2004; 2007] динамико-прагматический анализ семантики императива. В разделе 3.1.1 мы кратко изложим основные компоненты этого анализа.

Вторая группа подходов здесь будет называться *модальные подходы* (*modal approaches*). Работ, выполненных в рамках модального подхода, насчитывается гораздо больше. Центральное утверждение модального подхода, собственно определяющее его название, состоит в том, что клаузы, в которых выступают императивные формы глаголов, содержат скрытый модальный оператор, ответственный за семантику императивных высказываний (см. [Нап 2000; Schwager 2006 / Kaufmann 2012; Grosz 2009 / 2011; Condoravdi & Lauer 2012; Oikonomou 2016; среди прочих]). Хотя в этих работах нет общепринятого мнения относительно точных синтаксических свойств этого модального оператора, авторы сходятся во мнении, что он расположен на одном из верхних уровней функциональной области синтаксической структуры. В частности, были предложены две альтернативы: 1) вершина CP [Нап 2000]; 2) вершина специальной функциональной проекции ниже проекции CP [Oikonomou 2016]. В дополнение к разногласиям о синтаксической позиции модального оператора императива, ведется также дискуссия о его модальной силе — является ли он универсальным [Schwager 2006 / Kaufmann 2012], семантически недоспецифицированным [Grosz 2009 / 2011] или экзистенциальным [Oikonomou 2016].

Наиболее полной теорией императива, разработанной в рамках модального подхода, является теория М. Кауфманн [Schwager 2006 / Kaufmann 2012]⁴. В разделе 3.1.2 мы кратко воспроизведем эмпирические аргументы, послужившие основой для предлагаемого М. Кауфманн анализа, а также перечислим основные теоретические положения этой теории, которые будут в дальнейшем важны для анализа данных чукотского языка.

3.1.1 Теория императива П. Портнера

Отправной точкой теории П. Портнера является предположение о том, что императивы являются отдельными типами клауз, которые обладают уникальными синтаксическими и семантическими свойствами. Различие между императивами, декларативами и интеррогативами при таком подходе состоит в том, какого типа объект они обозначают и какую функцию в диалоге они выполняют.

Основываясь на общепринятом представлении о том, что декларативные клаузы используются для обновления *Общего Фона*⁵ (*Common Ground*), П. Портнер утверждает, что функция императивных высказываний — обновление *Листа Обязательств* (*To-Do List*) адресата.

Согласно теории П. Портнера, каждый участник диалога имеет собственный Лист Обязательств, представляющий собой множество действий, обязательных к исполнению этим участником. Семантический объект, который обозначает

⁴ Работа [Kaufmann 2012] является обновленной версией диссертации [Schwager 2006]. В дальнейшем мы будем ссылаться именно на нее.

⁵ Понятие Общего Фона (далее просто ОФ) было впервые введено в философской работе Р. Сталнакера [Stalnaker 1978]. Под ОФ Р. Сталнакер предлагает понимать набор общих для говорящего и слушающего знаний, которые позволяют им вести успешную коммуникацию.

императивная клауза — это свойство, истинное только относительно адресата (58).

(58) $\llbracket \text{закрой дверь!} \rrbracket^c = \lambda x: x \text{ является адресатом в } c. x \text{ закрывает дверь}$

Функция императивных клауз в диалоге состоит в том, чтобы добавлять в Лист Обязательств адресата свойство быть индивидуумом в мире, в котором истинна некоторая пропозиция. После того как Лист Обязательств адресата обновлен, от него ожидается, в случае если он рационален и кооперативен, что он постарается реализовать добавленное в его Лист Обязательств свойство. Это требование формулируется с помощью принципа под названием «agent's commitment». Определение этого принципа приведено в (59).

(59) *Для каждого индивида i , участники диалога взаимно и имплицитно согласны считать действия i рациональными и кооперативными пока эти действия во всех мирах $w_1 \cap CG$ приводят к тому, что нет мира $w_2 \cap CG$ такого что $w_1 <_i w_2$.*

Представляя собой функцию из индивидов во множества свойств, Лист Обязательств ранжирует совместимые с ОФ миры в соответствии с тем, истинно ли добавленное в Лист Обязательств адресата свойство в этих мирах. Миры, в которых адресат обладает релевантным свойством, ранжируются выше миров, в которых адресат этим свойством не обладает. Реализуя свойство, адресат удаляет все низко ранжированные миры.

Хотя сам П. Портнер эксплицитно противопоставляет свою динамическую трактовку семантики императива модальным анализам, технический аппарат, который он использует, очевидно сближается с тем, который используется при анализе модальных выражений. Наиболее очевидное сходство состоит в том, что Лист Обязательств по сути представляет собой источник упорядочивания, а ОФ — модальную базу. Кроме того, в теории П. Портнера у каждого индивида имеется несколько Листов Обязательств, а возможность императивных клауз выражать различные речевые акты связывается с тем, что говорящий может добавлять свойства в разные Листы Обязательств адресата. Например, речевой акт команды получается путем добавления некоторого свойства в деонтический Лист Обязательств адресата, а речевой акт предложения — в булетический. В этом смысле функция Листа Обязательств сближается с функцией источника упорядочивания: разные источники упорядочивая также ответственны за разные модальные характеры предложений с модальными операторами.

3.1.2 Теория императива М. Кауфманн

М. Кауфманн [Kaufmann 2012] критикует анализ П. Портнера и взамен предлагает семантику декларативного типа для императивных клауз. Основной пафос ее теории можно сформулировать следующим образом: клаузы с глагольными формами императива представляют собой модализованные пропозиции с фонологически невыраженным модальным оператором необходимости. Главное

отличие императивных клауз от декларативных состоит не в том, какого рода объект они обозначают (и императивы, и декларативы обозначают пропозиции) а в том, что в императивных клаузах содержится модальный оператор со специальными семантическими свойствами. М. Кауфманн представляет три эмпирических аргумента в пользу такого анализа.

Первое аргумент является наблюдением о том, что императивные клаузы могут использоваться в качестве семантических ответов на *вопросы о практической необходимости* (*questions of practical deliberation*) точно так же, как и декларативные клаузы используется для ответов на высказывания, запрашивающие информацию. Данная возможность представлена в примере (60).

(60) A: *What shall I do tonight?*

B: *Clean up your room!*

М. Кауфманн утверждает, что ответы на вопросы могут быть только декларативного типа, потому что только предложения декларативного типа обозначают пропозиции, которые могут служить ответами на вопросы⁶.

Второе наблюдение состоит в том, что высказывания с формами императива, точно также как высказывания с индикативными формами, могут быть неискренними. Другими словами, говорящий может употребить форму императива, чтобы намеренно дезинформировать адресата. Например, если говорящий в курсе, что поезд «А» идет в Гарлем, он тем не менее может ввести адресата в заблуждение и посоветовать ему взять поезд «В» как с помощью декларативной клаузы, так и с помощью императива (61).

(61) A: *How do I get to Harlem?*

B: *It is best to take the B-train. / Take the B-train!*

Последнее наблюдение делается на материале немецкого языка. Несмотря на то, что в этом языке глагольные формы императива не могут использоваться в вопросах о долженствовании и возможности (см. раздел 1.3.1), они все же доступны в некоторых риторических вопросах (62).

(62) *Also was lies auf keinen Fall?*

so what read.IMPSPG in no case

‘So whose book is it that you really shouldn’t read?’

(Kaufmann 2012: 71)

Возможность подобных употреблений говорит о том, что появление в клаузе глагола в форме императива автоматически и независимо от других факторов не определяет статус этой клаузы как императивной. В рамках подхода М. Кауфманн появление глагола в форме императива сигнализирует лишь о том, что перед нами

⁶ В теоретико-модельной семантике распространенным взглядом на семантику вопросов является анализ в духе Ч. Хамблина [Hamblin 1973], согласно которому вопрос обозначает множество пропозиций, представляющих множество ответов на него. Например, множество ответов на общий вопрос, а значит и его значение, может быть представлено как состоящее всего из двух элементов: утвердительного и отрицательного ответа, соответственно.

модализованная пропозиция. Ничто не препятствует этой пропозиции стать множеством пропозиций, а значит ничто не препятствует глаголу в форме императива употребляться в вопросах.

Анализируя семантику модального оператора императива, М. Кауфманн опирается на систему, предложенную в работе А. Кратцер [Kratzer 1981; Kratzer 1991]. В частности, она предлагает считать, что множество миров, по которым квантифицирует модальный оператор императива, выбирается с помощью двух фонов разговора — модальной базы и источника упорядочивания. М. Кауфманн, однако, предлагает специальные фоны разговора для оператора императива. Модальная база представляет собой функцию из миров во множество пропозиций, которые взаимно и имплицитно считаются истинными участниками разговора (например, Общий Фон). Источник упорядочивания модального оператора императива варьируется в зависимости от речевого акта. Более того, в теории М. Кауфманн именно источник упорядочивания ответственен за то, какой речевой акт будет представлять собой высказывание с формой императива. Например, речевой акт приказа получается при источнике упорядочивания, выбирающем в качестве лучших те миры, в которых истинно наибольшее количество пропозиций, соответствующих тому, что приказывает говорящий.

В пользу того, что императивные клаузы действительно содержат скрытый модальный оператор необходимости, говорит тот факт, что высказывания с формами императива могут быть перефразированы с помощью высказываний, который содержат фонологически выраженные перформативные модальные операторы необходимости (ср. (63a) и (63b)).

- (63) a. *Clean up your room!*
b. *You must clean up your room!*

По мнению М. Кауфманн, разница между выраженными операторами типа английского *must* и скрытым модальным оператором императива состоит в том, что последний, но не первый, может использоваться *только* перформативно. Она утверждает, что это ограничение возникает из-за двух прагматических пресуппозиций, которые вызывает модальный оператор императива.

Первая пресуппозиция называется *Эпистемический Авторитет* (*Epistemic Authority*). Эта пресуппозиция требует, чтобы из контекста, в котором употребляется высказывание с формой императива, следовало, что говорящий имеет точное представление о характере фонов разговора. То есть если говорящий считает, что модализованная пропозиция истинна во всех мирах, входящих в модальную базу и ранжированных как лучшие источником упорядочивания, значит пропозиция на самом деле истинна в этих мирах. М. Кауфманн утверждает, что по этой причине реплики с глаголами в форме императива не могут оцениваться как истинные или ложные. В соответствии с максимой качества П. Грайса, согласно которой рациональный говорящий не лжет, адресат не имеет причин сомневаться в том, что пропозиция истинна, и немедленно обновляет свое информационное состояние.

Вторая пресуппозиция называется *Ограничение на Эпистемическую Неопределенность* (*Epistemic Uncertainty Constraint*). Эта пресуппозиция требует, чтобы в момент произнесения высказывания с формой императива говорящий верил, что реализация ситуации, описываемой модализованной пропозицией было возможно, но при этом не необходимо. То есть говорящий должен быть уверен в том, что и p , и $\neg p$ могут иметь место в будущем.

Выполнение этих пресуппозиций гарантирует, что высказывание с формой императива будет перформативно — адресат не сможет усомниться ни в честности говорящего, ни в истинности самого высказывания.

3.1.3 Модальные и минимальные подходы: обсуждение

Цель данного раздела — критически обсудить преимущества и недостатки модальных и минимальных подходов применительно к данным чукотского языка, а также сделать выбор в пользу одного из них.

В языках, материал которых послужил основой для теорий М. Кауфманн [Kaufmann 2012] и П. Портнера [Portner 2004, 2007], формы императива протипически используются для директивных речевых актов и употребляются в основном в невложенных невопросительных контекстах. Типологическая частотность подобного ограничения послужила основанием для известного обобщения, сформулированного в работе [Sadock & Zwicky 1985], согласно которому императивы не могут пересекаться с другими типами клауз: они запрещены в вопросительных и синтаксически вложенных контекстах. Недавние типологические данные указывают на противоположную точку зрения — формы императива в некоторых языках могут использоваться в вопросах, а также допустимы в определенном типе зависимых клауз (см., например, [Гусев 2013]). Как показано в разделах 1.3.1 и 1.3.3, чукотский язык является одним из таких языков. Это значит, что теория императива, которая будет использоваться для анализа его данных, должна учитывать возможность таких употреблений.

Теория П. Портнера испытывает очевидные трудности с подобными использованиями императива, так как в основании этой теории лежит утверждение из [Sadock & Zwicky 1985] о том, что императивы представляют собой отдельный непересекающийся тип клауз. П. Портнер предлагает считать, что императивы обозначают специальный семантический объект — истинное только относительно адресата свойство, а также выполняет уникальную прагматическую функцию — обновление Листа Обязательств адресата. Очевидно, что императив в вопросах и вложенных клаузах не имеет функции обновления Листа Обязательств адресата. Кроме того, согласно общепринятому представлению, денотатом вложенных клауз является пропозиция, а денотатом вопросов — множество пропозиций. В рамках подхода П. Портнера проблема того, как из объекта, обозначающего в невложенных невопросительных контекстах свойство, получается пропозиция в случае вложенных употреблений и множество пропозиций в случае вопросительных употреблений, как кажется, не может найти приемлемого решения.

Помимо невозможности адекватно проанализировать вложенные и вопросительные употребления императива, подход П. Портнера не может быть применен к формам императива не второго лица: так как свойство, которое обозначает императив, истинно только относительно адресата, субъект императива может быть только второго лица. Как было показано в разделе 1, парадигма императива в чукотском языке включает в себя формы третьего и первого лица.

Теория К. Кауфманн успешнее справляется с подобными употреблениями. Напомним, что согласно К. Кауфманн, клаузы, содержащие глагольные формы императива, обозначают модализованные пропозиции. В рамках этого подхода допустимость императива в вопросах и вложенных клаузах ожидаема, потому что семантический тип объекта, который обозначает императив, идентичен семантическому типу объекта, который обозначают декларативные клаузы. Это в свою очередь значит, что клаузы с глагольными формами императива должны демонстрировать тот же набор дистрибутивных возможностей, что и клаузы с глагольными формами индикатива.

Перечисленные выше обстоятельства определяют наш выбор в пользу модального подхода к императиву. При анализе материала чукотского языка, представленного в разделе 3.3, мы будем, вслед за М. Кауфманн [Kaufmann 2012], исходить из предположения, что клаузы с глагольными формами императива содержат фонологически невыраженный модальный оператор необходимости, располагающийся на одном из высоких уровней синтаксической проекции⁷.

М. Кауфманн [Kaufmann 2012: 86] предлагает следующее лексическое вхождение для модального оператора императива:

$$(64) \quad \llbracket \text{OP} \rrbracket^c = \lambda f \lambda g \lambda p \lambda w. \forall w' [w' \in O(f, g, w) \rightarrow p(w')] \\ \text{во всех мирах } w', \text{ совместимых с модальной базой } f \text{ в } w \text{ и ранжированных} \\ \text{как лучшие относительно источника упорядочивания } g \text{ в } w, \text{ имеет место} \\ \text{пропозиция } p.$$

Возвращаясь к случаям, когда императив употребляется во вложенных клаузах, рассмотрим еще раз пример использования императива в чукотском языке при дезидеративном предикате *teŋjeŋək* ‘желать’ (65).

⁷ Несмотря на то, что М. Кауфманн предлагает более гибкую семантику для императива, ее подход, точно так же, как и подход П. Портнера, все же испытывает трудности со случаями, когда императив употребляется для речевых актов разрешения или безынтересного совета (см., например, (3) и (9)). Такие высказывания, в отличие от «стандартных» речевых актов, имеют слабую модальную силу (или слабое прочтение): интерпретация в (3) и (8) не может получаться из универсальной квантификации по мирам, как этого требует анализ М. Кауфманн в первоначальном виде. Для преодоления этой проблемы и сохранения универсальной семантики модального оператора, М. Кауфманн предлагает считать, что в таких употреблениях оператор квантифицирует, по мирам, соответствующим не предпочтениям говорящего, а предпочтениям адресата. Подобное решение не представляется полностью удовлетворительным и вызывает ряд технических вопросов, обсуждение которых, однако, выходит за рамки настоящей работы.

(65) ELICITATION

atləyə-n Ø-teyjeŋə-rkən ijqun qə-tejkə-γə-n orwoor
отец-NOM 2/3.S/A-хотеть-IPFV COMP 2.S/A.IMP-чинить-IRR-3SG.O нарты.NOM
'Отец хочет, чтобы ты починил нарты.'

Каков семантический вклад императива в (65) и как он соответствует формальному представлению в (64)? Согласно стандартному в современной теоретико-модельной семантике взгляду, дезидеративные предикаты о пропозициональных установках представляют собой универсальные кванторы по мирам, совместимыми с доксатическими альтернативами субъекта и ранжированными как лучшие относительно булетического источника упорядочивания. В рамках подхода А. Кратцер [Kratzer 2006; 2013] (согласно которой модальный компонент значения высказываний о пропозициональных установках кодируется скрытыми модальными операторами, располагающимися на левой периферии вложенной клаузы) ответственность за значение, наблюдаемое в высказываниях о пропозициональных установках, может быть возложена на модальный оператор императива. Тогда в (65) модальный оператор Императива имеет следующую семантику:

(66) $[[\text{OP}]]^c = \lambda f \lambda g \lambda p \lambda w. \forall w' [w' \in O(f_{\text{dox}}, g_{\text{bul}}, w) \rightarrow p(\text{адресат чинит нарты в } w')]$
во всех w' , совместимых с доксатической модальной базой f и ранжированных как лучшие булетическим источником упорядочивания g , адресат чинит нарты.

Данное представление, однако, не позволяет учесть интуицию, согласно которой желание о реализации содержания пропозиции, обозначаемой вложенной клаузой с формой императива, принадлежит индивиду, которого обозначает субъект матричной клаузы. Так в (65) очевидно, что желание о том, чтобы сын починил нарты, принадлежит отцу. Более того, из (66) невозможно вывести ограничение на кореферентность между субъектами матричной и вложенной клаузы. Напомним, что формы Императива во вложенной клаузе употребляются только в случае, когда субъект матричной клаузы не кореферентен субъекту вложенной клаузы. В случае их кореферентности Императив неграмматичен (67).

(67) ELICITATION

**tə-teyjeŋə-rkən ijqun mə-qametwa-γə-a-k*
1SG.S/A-хотеть-IPFV COMP 1SG.S/A.IMP-есть-TH-1SG.S
Ожид.: 'Я хочу поесть.'

В недавней работе [Stegovec 2018] предлагается расширение теории М. Кауфманн, мотивацией для которого служит наблюдение об аналогичном представленному выше ограничении, которое демонстрируют так называемые «директивные клаузы» в словенском языке. В следующем разделе мы подробнее обсудим предложение А. Стеговца и используем его в качестве отправной точки для разработки анализа свойств Императива в чукотском языке.

3.2 Отклонение субъекта императива

Основная цель работы А. Стеговца [Stegovec 2018] — предложить формальный анализ наблюдаемых ограничений на возможных референтов субъекта клауз с формами императива и субъюнктива в словенском языке, а также установить источник этих ограничений и объяснить причины, по которым они возникают.

Словенский язык принадлежит к числу языков, в котором Императив может употребляться в зависимых клаузах. А. Стеговец рассматривает случаи, когда императив используется в конструкциях передачи чужой речи. В этих контекстах наблюдается ограничение на возможных референтов субъекта Императива: Императив используется только с субъектом второго лица и с субъектом первого лица инклюзива. С субъектом, не включающим второе лицо, используется конструкция, состоящая из частицы *naj* и глагола в форме настоящего времени, которую А. Стеговец называет Субъюнктивом. Формы Императива и Субъюнктива таким образом находятся в дополнительной дистрибуции. Первое эмпирическое наблюдение, которое он делает, состоит в том, субъект вложенной клаузы при глаголе речепроизводства с глагольной формой Императива или Субъюнктива не может быть кореферентен субъекту матричной клаузы⁸ (68).

- (68) *Rekla { je / *sem }, da naj si pomaga-m*
said.F AUX.3 AUX.1 that SUB REFL.DAT help-1
'She / *I said that I should help myself.'

[Stegovec 2018: 5]

Второе наблюдение касается независимых клауз. В независимых клаузах лично-числовая парадигма форм Императива и Субъюнктива дефектна: в не вопросах субъюнктив не может употребляться с референцией к говорящему (или к первому лицу множественного числа с эксклюзивной интерпретацией) (69a), а в вопросах субъект императива не может быть адресатом (или группой лиц, включающих адресата) (69b).

- (69) a. **Naj mu pomagam!* b. **Pomaga-j mu?*
SUB 3.M.DAT help.1 help-IMP-2 3.M.DAT
int.: 'I should help him!' int.: 'Should you help him?'

[Stegovec 2017: 159]

Наоборот, в вопросах субъект Субъюнктива может быть говорящим (70a), а в не вопросах субъект императива может быть адресатом (70b).

- (70) a. *Naj mu pomagam?* b. *Pomaga-j mu!*
SUB 3.M.DAT help.1 help-IMP-2 3.M.DAT
'Should I help him?' 'Help him!'

[Stegovec 2017: 159]

⁸ Феномен, при котором субъект матричной клаузы не может быть кореферентен субъекту вложенной клаузы с глагольной формой субъюнктива, хорошо известен из материала романских языков (см., например, [Quer 2006]).

На основании этих наблюдений А. Стеговец делает обобщение в (71), которое он называет *обобщенное отклонение субъекта* (*generalized subject obviation*).

(71) Клаузы с глагольными формами Императива и Субьюнктива демонстрируют запрет на кореферентность между их субъектом и *повелителем* (*director*) — субъектом матричной клаузы, когда Императив или Субьюнктив употребляется в зависимом контексте, а также говорящим, когда Императив или Субьюнктив употребляется в независимом невопросительном контексте, и адресатом, когда Императив или Субьюнктив употребляется в независимом вопросительном контексте.

Помимо запрета на возможные конфигурации субъектов, клаузы с глагольными формами Императива и Субьюнктива объединяются еще и по функциональному параметру — они используются для директивных речевых актов. Под директивными речевыми актами А. Стеговец понимает речевые акты, в которых «говорящий пытается обязать индивида или группу индивидов обеспечить реализацию немодализованного содержания высказывания» [Stegovec 2018: 7]. Обобщение в (71) таким образом относится к клаузам, чьей основной функцией является выражение директивного речевого акта. Он предлагает общее название для таких клауз — *директивы* (*directives*).

Хотя связь между запретом на кореферентность в случаях вложенных и невложенных употреблений Императива и Субьюнктива в предыдущих исследованиях не проводилась, А. Стеговец утверждает, что возникновение этого запрета является следствием действия единого ограничения.

Вслед за М. Кауфманн [Kaufmann 2012], А. Стеговец предполагает, что клаузы с глагольными формами императива содержат скрытый модальный оператор необходимости. Главное нововведение, которое обосновывается в работе, состоит в том, что модальный оператор императива, в следствие своей специальной семантики, комбинируется с модальной базой и источником упорядочивания, релятивизованными относительно индивида. А. Стеговец утверждает, что модальный оператор императива комбинируется с представленным в синтаксисе фонологически невыраженным элементом индивидного типа («перспективным» *PRO*), функция которого — кодировать источник модальности, выражаемой директивным речевым актом. При таком подходе модальный оператор императива имеет следующую семантику:

(72) $[[\text{OP}]^c = \lambda f \lambda g \lambda p \lambda x \lambda w \forall w' [w' \in O(f, g, w) \rightarrow p(w')]$
во всех мирах w' , совместимых с модальной базой f , источником которой является индивид x в w , и ранжированных как лучшие относительно источника упорядочивания g , поддерживаемого индивидом x в w , имеет место пропозиция p .

В зависимых контекстах источником модальности директивов является матричный субъект, в независимых невопросительных — говорящий, а в независимых вопросительных — адресат. Механизм, ответственный за референцию индивидного аргумента модального оператора императива,

А. Стеговец заимствует из недавней работы по семантике контроля Х. Пирсон [Pearson 2012]. Здесь мы не имеем возможности обсуждать технические детали этой части анализа. Более важным для целей настоящей работы являются причины, по которым, согласно А. Стеговцу, субъект директивов не может быть кореферентен повелителю.

А. Стеговец утверждает, что возникновение этого запрета является следствием синтаксического ограничения, а именно, следует из Условия В Теории связывания (73).

(73) Прономинальное местоимение должно быть свободно в своей области связывания.

Согласно (73), прономинальное местоимение не может быть коиндексировано с-командующим им референциальным элементом в своей области связывания. В случае директивов это значит, что местоимение, обозначающее субъекта, не может реферировать к тому же индивиду, что и перспективное *PRO* модального оператора императива, потому что оба эти элемента находятся в одной области связывания. Из этого в свою очередь следует обобщение о возможных конфигурациях субъектов, сформулированное в (71). Так как перспективное *PRO* всегда обозначает повелителя, Условие В не позволяет в зависимых контекстах субъекту директива быть индивиду, которого обозначает матричный субъект (74а), в независимых контекстах — говорящим (74б), и в независимых вопросительных контекстах — адресатом (74с), соответственно.

(74) а. Она_j / *I_i сказала [чтобы [*PRO*_j/*i OP_{f(j/*i),g(j/*i)}} [*pro*_i идти.DIR]]].
 ≈ Она / *Я сказала, чтобы я пошел.

б. *ГОВОРЯЩИЙ_i [*PRO*_i OP_{f(i),g(i)}} [*pro*_i идти.DIR]].
 Ожид.: ≈ Пойду!

с. АДРЕСАТ_j [*PRO*_j OP_{f(j),g(j)}} [*pro*_j идти.DIR]].
 ≈ Тебе идти?!

В пользу того, что запрет на возможные конфигурации субъектов директивных клауз возникает в следствие синтаксического ограничения, говорят несколько фактов. Во-первых, значение, которое передают директивные клаузы с формами Субьюнктива и Императива, может быть воспроизведено с помощью конструкции, состоящей из модального глагола и инфинитива. В такой конструкции не наблюдается эффекта отклонения субъекта (75).

(75) Rekel sem_i, da mora-m_i več telovadit
 said.M AUX.1 that should-1 more exercise.INF
 ‘I_i said I_i should exercise more’.

Пример в (75) демонстрирует, что ограничение, установленное для клауз с формами императива и субьюнктива выше, не возникает просто по причине того, что напоминать самому себе о том, что ты должен сделать прагматически неестественно. Во-вторых, точно так же, как и в более привычных случаях

действия условия В, запрет на кореферентность в директивах не возникает в случае, если коиндексированное с-командуемое местоимение имеет коллективную интерпретацию. Например, в (76) местоимение *us* имеет коллективное прочтение и обозначает группу индивидов в целом, а не каждого индивида по отдельности.

(76) I like us.

Такое же коллективное прочтение имеет субъект директивной клаузы в (77a) и (77b).

(77) a. Vpraša-j-mo Markota!
ask-IMP-1.PL Mark.ACC
'Let's ask Marko!'

b. Rekel sem, da vpraša-j-moi+j Markota
said.M AUX.1 that ask-IMP-1.PL Mark.ACC
'I said that we_{i+j} should ask Marko'.

[Stegovec 2018: 11-12]

Предложение А. Стеговца имеет еще одно важное преимущество. Оно позволяет без дополнительных допущений объяснить запрет на дистанцирование говорящего (*speaker distancing ban*), широко обсуждавшийся в литературе по семантике императива (см., например, [Kaufmann 2012; Condoravdi & Lauer 2012; Stegovec & Kaufmann 2015]). Этот запрет состоит в том, что говорящий не может дистанцироваться от директивного речевого акта путем указания на то, что он не желает реализации его содержания (78a). При этом подобное дистанцирование допустимо с выраженными модальными операторами необходимости, используемыми неперформативно (78b).

(78) a. #Go away! But I don't want you to.
b. You should go away. But I don't want you to.

Так как в семантике модального оператора императива эксплицитно указано, кто является источником модальности, дистанцирование говорящего от директивного речевого акта в (78a), источником модальности которого он является, вызывает противоречие.

Подводя итог обсуждению выше, укажем, что мы разделяем интуицию А. Стеговца, согласно которой модальный оператор в директивных клаузах с формами императива имеет аргумент индивидуального типа, реферирующий к источнику их модальности. Приняв это допущение, в следующем разделе мы вернемся к вопросу о том, почему в чукотском языке Императив при глаголе желания может быть употреблен только в случае некорреферентности матричного и вложенного субъекта.

3.3 Отклонение субъекта Императива в чукотском языке

Как было показано в (38) (см. также (65)), в чукотском языке Императив может употребляться в зависимых клаузах при дезидеративном предикате *teųjeŋək* ‘желать’. Начиная с влиятельных работ И. Хайм [Heim 1992] и К. фон Финтеля [1999], в теоретико-модельной семантике дезидеративные предикаты анализируются как кванторы по возможным мирам. Множество миров, по которым они квантифицируют, ограничено лексически специфицированными для дезидеративных предикатов доксатической модальной базой и булетическим источником упорядочивания. Доксатическая модальная база выбирает миры, совместимые с верованиями субъекта дезидеративного предиката, а булетический источник упорядочивания ранжирует их согласно его желаниям.

Рассмотрев ряд эмпирических фактов английского и немецкого языка, в недавних работах А. Кратцер [Kratzer 2006; 2013] предложила альтернативный взгляд на семантику высказываний о пропозициональных установках. Основное предложение А. Кратцер можно кратко сформулировать следующим образом: модальность, выражаемая высказываниями о пропозициональных установках, кодируется не матричным предикатом, а скрытыми модальными операторами на левой периферии вложенной клаузы. При анализе чукотского материала мы будем придерживаться этого взгляда.

Если объединить предложение А. Кратцер с подходом М. Кауфманн [Kaufmann 2012], согласно которому в левой периферии клауз с формами императива содержится скрытый модальный оператор, становится очевидно, что модальный оператор императива является подходящим кандидатом на роль элемента, кодирующего модальность высказываний о пропозициональных установках. В частности, в случаях, когда Императив в чукотском языке используется в зависимых клаузах при глаголах желания, модальный оператор императива будет выполнять функцию квантора по мирам, совместимыми с верованиями субъекта и ранжированными как лучшие относительно его желаний. Возникает, однако, проблема с тем, как отразить это в семантике модального оператора. Простого утверждения о том, что модальный оператор берет в качестве аргументов доксатическую модальную базу и булетический источник упорядочивания будет недостаточно: верования и желания не существуют само по себе, а принадлежат конкретному индивиду — матричному субъекту. В этом месте на помощь приходит предложение А. Стеговеца [Stegovec 2018].

Мы предполагаем, что в зависимых клаузах при дезидеративном предикате *teųjeŋək* ‘желать’ модальный оператор Императива берет аргумент индивидуального типа, реферирующий к матричному субъекту. Это дает возможность, во-первых, эксплицитно отразить тот факт, что источником модальности в таком контексте является матричный субъект, а во-вторых, объяснить ограничение на кореферентность между субъектом матричной и вложенной клаузы. Так же, как и в директивных клаузах в словенском языке, оно является результатом действия Условия В Теории связывания. Здесь мы не будем останавливаться на

технических деталях, поскольку они идентичны тем, что были описаны для директивных клауз словенского языка в предыдущем разделе.

Если ограничения на возможные конфигурации субъекта Императива в зависимой клаузе при дезидеративном предикате *teųjeųak* ‘желать’ в чукотском языке и директивных клаузах в словенском языке действительно возникают по единой причине, что обуславливает наличие аргумента индивидуального типа в обоих случаях? Очевидно, что Императив при дезидеративном предикате *teųjeųak* ‘желать’ не представляет собой (и не воспроизводит оригинальный) директивный речевой акт, поэтому функция аргумента модального оператора не может быть сведена к обозначению источника повеления. Существует ли объединяющее эти два типа контекстов свойство, вследствие которого требуется наличие аргумента индивидуального типа? Мы даем положительный ответ на этот вопрос: и директивные клаузы в словенском языке, и Императив при дезидеративном предикате *teųjeųak* ‘желать’ в чукотском языке выражают особый тип модальности, источником которой является некоторый индивид.

Как было сказано выше, высказывания о пропозициональных установках с дезидеративными предикатами представляют собой утверждения о наиболее желаемых доксатических альтернативах субъекта матричной клаузы. В рамках декомпозиционного подхода в духе А. Кратцер [Kratzer 2006; 2013], при котором квантором по мирам, является не матричный предикат, а скрытый модальный оператор в левой периферии вложенной клаузы, модальный оператор императива должен иметь доксатическую модальную базу и булетический источник упорядочивания. Хотя А. Стеговец [Stegovec 2018] не указывает, относительно каких фонов разговора интерпретируется модальный оператор в директивных клаузах в словенском языке, в литературе не раз предлагалось [Condoravdi & Lauer 2012; Oikonomou 2016], что модальный оператор императива также имеет доксатическую модальную базу и булетический источник упорядочивания. Так К. Кондоравди и С. Лауэр анализирует императивы как особый тип высказываний о пропозициональных установках. В рамках их подхода высказывание с формой императива на глубинном уровне представляет собой высказывание о дезидеративных пропозициональных установках.

(79) [[Иди!]] ≈ [[Я хочу, чтобы ты пошел]]

Таким образом, в обоих рассматриваемых нами типах контекстов, модальный оператор императива, ответственный за кодирование модальности высказывания, берет в качестве аргументов одинаковые фоны разговора — доксатическую модальную базу и булетический источник упорядочивания. Мы утверждаем, что именно это свойство объединяет императив, используемый для директивных речевых актов, и императив, используемый при дезидеративном предикате. Кроме того, мы предлагаем считать, что фоны разговора именно такого рода обуславливают наличие аргумента индивидуального типа у модального оператора императива.

Как было сказано ранее, функция доксатической модальной базы и булетического источника упорядочивания — ограничивать область

квантификации модального оператора мирами, факты в которых согласуются с верованиями и желаниями конкретного индивида. Это значит, что доксатическая модальная база и булетический источник упорядочивания должны комбинироваться с элементом, реферирующим к этому индивиду. Следовательно, этот элемент должен иметь синтаксическое представление.

Таким образом, опираясь на предложения А. Кратцер [Kratzer 2006; 2013] и А. Стеговеца [Stegovec 2018] мы объяснили, какова функция Императива в чукотском языке в случаях, когда он используется во вложенных клаузах при дезидеративном предикате *teyjeŋək* ‘желать’, и почему возникает ограничение на кореферентность между его субъектом и субъектом матричной клаузы. Тем не менее, утверждение о том, что модальный оператор Императива в чукотском языке может иметь аргумент индивидуального типа, не может быть исчерпывающим. Главной мотивацией для этого утверждение служило наблюдение об ограничении на кореферентность в одном конкретном типе контекстов. Однако как было показано, например, в (37) (повторенном здесь как (80)), ограничение на кореферентность возникает не всегда.

(80) ELICITATION

nenenai *nota-ytə* *Ø-qət-yʔ-i*
 ребенок.NOM земля-DAT 2/3.S/A-отправляться-TH-2/3SG.S

injquŋ *ni-atʔa-re-rkən*
 COMP 3.S/A.IMP-мать-искать-IPFV
 ‘Ребенок пошел в тундру, чтобы искать мать.’

В (80) глагольная форма Императива третьего лица употребляется в так называемой клаузе обоснования. При этом субъект этой клаузы кореферентен субъекту матричной клаузы. Если в этом случае, в соответствии с выше сформулированным предложением, модальный оператор Императива имеет индивидуальный аргумент, реферирующий к матричному субъекту, мы ожидаем, что высказывание в (80) должно быть недопустимо. Однако все носители, с которыми мы консультировались, оценивают его как абсолютно приемлемое. Значит ли это, что мы должны отказаться от подхода А. Стеговеца [Stegovec 2018]? Если мы сделаем этом, то мы потеряем возможность учесть ограничение на кореферентность, а также корректно проанализировать семантику Императива при дезидеративном предикате *teyjeŋək* ‘желать’. В следующем разделе мы постараемся показать, что Императив в клаузах обоснования имеет свойства отличные от Императива при дезидеративном предикате *teyjeŋək* ‘желать’, а, следовательно, нет оснований предполагать, что ограничения в этих типах контекстов должны быть идентичны.

3.4 Неотклонение субъекта Императива в чукотском языке

Согласно общепринятому взгляду на семантику клауз обоснования, они предоставляют телеологическое объяснение событию, которое описывается в

матричной клаузе. В работах [Nissenbaum 2005; Grosz 2014] предлагается считать, что целевое значение клауз обоснования возникает благодаря скрытому модальному оператору, располагающемуся на левой периферии этих клауз. Авторы выше представленных работ разделяют интуицию, согласно которой отношение доступности модального оператора в клаузах обоснования «обозначает цели не индивида, а цели, присущие событию» [Grosz 2014: 275]. Мы разделяем эту интуицию. Применительно к данным чукотского языка, модальный оператор Императива выполняет функцию элемента, кодирующего модальность клауз обоснования и осуществляющего референцию к целям, преследуемым в событии, описываемом матричной клаузой. Открытым остается вопрос о том, как происходит это референция. В этом месте на помощь приходит подход А. Стеговеца [Stegovec 2018].

В предыдущем разделе мы предложили считать, что тот факт, что модальный оператор Императива интерпретируется относительно доксатической модальной базы и булетического источника упорядочивания обуславливает наличие индивидуального аргумента, реферирующего к матричному субъекту. Однако модальность, кодируемая модальным оператором Императива в клаузах обоснования, принципиально отличается от модальности, кодируемой модальным оператором Императива в клаузах при дезидеративном предикате. Мы предлагаем считать, что в случаях, когда Императив в чукотском языке используется в клаузах обоснования, его модальный оператор берет в качестве аргумента элемент событийного типа, реферирующий к событию, описываемому матричной клаузой. Наличие событийного, а не индивидуального, аргумента в этих контекстах, обуславливается тем, что модальный оператор Императива кодирует другой тип модальности и берет в качестве фонов разговора обстоятельственную модальную базу и телеологический источник упорядочивания. Так же, как верования и желания должны интерпретироваться относительно индивида, обстоятельства и цели должны интерпретироваться относительно события.

Это решение имеет ряд преимуществ. Во-первых, оно дает возможность эксплицировать интуицию Дж. Ниссенбаума [Nissenbaum 2005] и П. Гросса [Grosz 2014], согласно которой источником модальности клауз обоснования является не индивид, а событие. Во-вторых, оно позволяет объяснить, почему субъект Императива в клаузах обоснования может быть кореферентен субъекту матричной клаузы — так как модальный оператор Императива берет в таких контекстах аргумент событийного типа, этот аргумент не может быть коиндексирован с субъектом Императива, а значит Условие В Теории связывания не может быть нарушено.

Таким образом, согласно нашему предложению, в чукотском языке модальный оператор Императива может выражать не только желательную модальность и иметь аргумент индивидуального типа, но и выражать целевую модальность и иметь аргумент событийного типа. Именно это свойство отличает его от директивных клауз словенского языка. Напомним, что директивные клаузы словенского языка помимо демонстрирования ограничения на кореферентность в случае зависимых употреблений, не могут иметь субъекта первого лица эксклюзива. Как было

показано в разделах 1.2.2 и 1.2.4 Императив в чукотском языке допускает конфигурацию, при которой его субъект включает говорящего и не включает адресата. При этом клауза с формой Императива в таких случаях получает референцию к будущему. В следующем разделе мы подробнее обсудим эти случаи.

3.5 Императив с референцией к будущему

Помимо типологически ожидаемого функционирования в директивных речевых актах, Императив в чукотском языке может употребляться для обозначения будущего действия говорящего (81) или группы индивидов, включающей говорящего (82).

(81) ELICITATION
m-ajmə-γʔa-k
1SG.S/A.IMP-идти.за.водой-TH-1SG.S
'Пойду за водой (немедленно)!'

(82) ELICITATION
mən-əjwət-γət
1PL.S/A.IMP-приносить.угощение-2SG.O
'Мы тебе принесем гостинцев!'

Какие свойства Императива в чукотском языке обеспечивают возможность таких употреблений? Рассматривая форму Императива первого лица единственного числа в разделе 1.2.4, мы показали, что высказывания как в (81) могут произноситься в отсутствии адресата или каких бы то ни было третьих лиц, поэтому трактовка (81) как директивного речевого акта, предлагаемая в некоторых типологических исследованиях (см. [Храковский, Володин 1986: 139; Бирюлин, Храковский 1992: 28; Гусев 2013: 52-53]), не представляется нам обоснованной. Кроме того, если (81) и (82) представляют собой директивные речевые акты, клаузы с формами Императива в этих примерах должны обладать свойствами, установленными А. Стеговым [Stegovec 2018] для директивных клауз словенского языка. То есть они должны содержать скрытый модальный оператор с индивидуальным аргументом, реферирующим к говорящему. Если бы это действительно было так, то тогда высказывания в (81) и (82) были бы невозможны — так как субъект Императива кореферентен говорящему, должно было бы происходить нарушение Условия В Теории связывания. Тем не менее, этого не происходит.

Мы предлагаем считать, что в случаях, когда Императив в чукотском языке получает референцию к будущему, его модальный оператор, так же, как и в клаузах обоснования, берет аргумент событийного типа, который реферирует к событию речевого акта. Это решение верно предсказывает, что высказывания с формами Императива первого лица не демонстрируют запрет на дистанцирование

говорящего (*speaker distancing ban*) (см., например, [Kaufmann 2012; Condoravdi & Lauer 2012; Stegovec & Kaufmann 2015]):

- (83) ELICITATION
mə-waŋe-γʔa-k *atrʔes* *tə-ʔenqe-rkən*
 1SG.S/A.IMP-шить-TH-1SG.S однако 1SG.S/A-не.хотеть IPFV
 ‘Буду шить, хоть и не хочу.’

Модальность, выражаемая подобными высказываниями, является целевой, а не желательной. Это значит, что они не обязаны демонстрировать ограничения, которые демонстрируют директивные клаузы. Однако если модальность в высказываниях с формами Императива первого лица является целевой, мы ожидаем, что говорящий не сможет дистанцироваться от такого высказывания путем добавления, что реализация содержания пропозиции не является его целью. Это ожидание выполняется:

- (84) ELICITATION
mə-kelitku-γʔe-k *#atrʔes qərəm-en* *γəm-nan jʔojolqəl*
 1SG.S/A.IMP-учиться-TH-1SG.S однако NEG.FUT.-POSS I-INS цель.NOM
 ‘Буду учиться, #хотя это не моя цель.’

Таким образом, тот факт, что модальный оператор Императива в чукотском языке может иметь аргумент событийного типа, позволяет формам первого лица употребляться в матричных невопросительных контекстах. В таких контекстах клаузы, содержащие эти формы, получают референцию к будущему, а высказывания с этими клаузами не составляют директивные речевые акты.

4 Заключение

Настоящая глава ставила перед собой две цели: описать семантику и дистрибуцию форм Императива в чукотском языке, а также предложить формальный анализ, объясняющий, почему формы Императива в чукотском языке имеют столь разнородную семантику и столь широкую дистрибуцию. Нам представляется, что обе этих цели были достигнуты. В заключение мы бы хотели сформулировать важное теоретическое последствие предложенного анализа.

Хотя в предыдущих исследованиях обсуждалось, что клаузы с формами императива функционально гетерогенны и могут использоваться не только для директивных речевых актов (см., например, [Schmerling 1982]), в настоящей работе языка мы продемонстрировали, что тип речевого акта, составляемого клаузой с формой императива, напрямую зависит от лица субъекта этой клаузы. Тот факт, что императив прототипически используется для директивных речевых актов, обуславливается не внутренними и неотъемлемыми свойствами грамматической категории императива, а тем, что в большинстве языков мира парадигма императива ограничена вторым лицом.

Литература

- Андреев И. А. 1992. Учебник чувашского языка для русских. Начальный курс. Чебоксары: Чувашское книжное издательство.
- Бирюлин Л. А., Храковский В. С. 1992. Повелительные предложения: проблемы теории. Храковский В. С. (ред.). Типология императивных конструкций. СПб. 5—49.
- Волков О. С., Даниэль М. А., Пупынина М. Ю., Рыжова Д. А. 2012. К характеристике аспектуальной системы чукотско-камчатских языков // *Acta linguistica petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VIII. Ч. 2. / Плунгян В. А. (отв. ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. СПб.: Наука, 396—457.
- Гусев В. Ю. 2013. Типология императива. М.: Языки Славянской культуры.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А. 2000. Язык и фольклор аллоторцев. М.: Наследие.
- Кузьменков Е. А. 1992. Императив в монгольском языке. Храковский В. С. (ред.). Типология императивных конструкций. СПб. 73—77.
- Скорик П. Я. 1961. Грамматика чукотского языка. Ч. 1. Л.: АН СССР.
- Скорик П. Я. 1977. Грамматика чукотского языка. Ч. 2. Л.: АН СССР.
- Храковский В. С., Володин А. П. 1986. Семантика и типология императива: Русский императив. Л.: Наука.
- Aikhenvald A. Y. 2010. *Imperatives and commands*. Oxford and New York: Oxford University Press.
- van der Auwera J., Dobrushina N., Gusev V. 2013. Imperative-Hortative Systems. In: Dryer, Matthew S. & Haspelmath, Martin (eds.) *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology.
- Condoravdi C., Lauer S. 2012. Imperatives: Meaning and illocutionary force. *Empirical issues in syntax and semantics*, 9:37-58.
- Dunn M. 1999. *A Grammar of Chukchi*. Ph. D. Diss., Australian National University.
- von Fintel K. 1999. 'NPI-Licensing, Strawson-Entailment, and Context Dependency'. *Journal of Semantics* 16.
- von Fintel K., Iatridou S. 2017. A modest proposal for the meaning of imperatives. ms, submitted to a volume on Modality across syntactic categories (Oxford University Press), ed. by Ana Arregui, Marisa Rivero, and Andres Pablo Salanova.
- Grosz P. 2009. German particles, modality, and the semantics of imperatives. In *Proceedings of NELS 39*, ed. S. Lima, K. Mullin and B. Smith, pages 323-336.
- Grosz P. G. 2011. On the grammar of optative constructions. PhD thesis, Massachusetts Institute of Technology.
- Grosz P. 2014. Modal Particles in Rationale Clauses and Related Constructions. In *Modes of Modality*, ed. E. Leiss and W. Abraham. Amsterdam: John Benjamins, 263-290.
- Han, C. H. 2000. *The Structure and Interpretation of Imperatives: Mood and Force in Universal Grammar*. Outstanding Dissertations in Linguistics. New York: Garland.
- Heim I. 1992. 'Presupposition projection and the semantics of attitude verbs'. *Journal of Semantics* 9, 183-221.
- Hintikka J. 1961. Modality and quantification. *Theoria* 27: 119—128
- Kaufmann M. 2012. Interpreting Imperatives. Dordrecht: Springer.
- Kratzer Angelika 1981. The notional category of modality. In: H.-J. Eikmeyer & H. Rieser (eds.). *Words, Worlds, and Contexts. New Approaches in Word Semantics*. Berlin: Mouton de Gruyter, 38-74.
- Kratzer A. 1991. Modality. In: A. von Stechow & D. Wunderlich (eds.). *Semantik: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. Berlin: Mouton de Gruyter, 639-650.
- Kratzer A. 2006. Decomposing Attitude Verbs. Talk given in honor of Anita Mittwoch. The Hebrew University Jerusalem.
- Kratzer A. 2013. Modality and the semantics of embedding. Slides from presentation at the Amsterdam Colloquium.
- Kripke S. 1963. Semantical analysis of Modal Logic I, Normal Propositional Calculi. *Zeitschrift für mathematische Logik und Grundlagen der Mathematik* 9: 67-96.
- Naumov I., Kozlov A. 2017. Can and should we use Chukchee Imperative in questions?. Talk given at Fourteenth Conference on Typology and Grammar for Young Scholars. St. Petersburg, Russia.

- Nedjalkov V. 1994. Tense-aspect-mood forms in Chukchi. *Sprachtypologie und Universalienforschung* 47. P. 278–354.
- Nissenbaum J. 2005. Kissing Pedro Martinez: (Existential) Anankastic conditionals and rationale clauses. In *Proceedings of SALT 15*, 134–151. Ithaca NY: Cornell University.
- Oikonomou, D. 2016. Covert modals in root contexts. Ph.D. thesis, Massachusetts Institute of Technology.
- Pearson H. A. 2012. *The Sense of Self: Topics in the Semantics of De Se Expressions*. PhD thesis, Harvard University.
- Portner P. 2004. The semantics of imperatives within a theory of clause types. *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory 14*, ed. by Robert B. Young, 235–252. Ithaca: CLC Publications.
- Portner P. 2007. Imperatives and modals. *Natural Language Semantics* 15(4): 351–383.
- Portner P. 2009. *Modality Oxford surveys in semantics and pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.
- Sadock J., Zwicky A. 1985. Speech act distinctions in syntax. In *Language Typology*.
- Schwager M. 2006. *Interpreting imperatives*. PhD thesis, University of Frankfurt.
- Stegovec A. 2017. !? (Where's the ban on imperative questions?). In *Proceedings of SALT 27*, D. C. Burgdorf J. Collard, S. Maspong, and B. Stefánsdóttir (Eds.), Ithaca, NY: Cornell Linguistics Circle.
- Stegovec A. 2018. *Obvia et impera! a case for 'perspectival control' in directive clauses*. ms.
- Stegovec A., Kaufmann M. 2015. Slovenian imperatives: You can't always embed what you want. In *Proceedings of Sinn und Bedeutung*, volume 19, pages 620-637.